

В комнате стоял крепкий запах старости. Даже в морозный день при распахнутых окнах он никуда не пропадал. В двери всегда торчал ключ, потому что ручки не было: на ее месте зияла дыра. В солнечные дни через круглый проем по паркету летел луч, разрезая коридор надвое.

В комнате жили хозяйские вещи. Иногда они шуршали и ерзали на полках, а однажды разбушевались так, что сбили со стены картину.

Раньше тетушки Тамара и Лена жили здесь с мамой-географом и папой-архитектором. В экспериментальном районе Чертаново в передовой капиталистической стране. Летом у них были семейные съезды: все двоюродные, троюродные и четвероюродные братья и сестры приезжали в деревню под Тверь. В их число как-то попал и мой дед.

Так и получилось, что, полвека спустя, переехав из Питера в Москву, я оказалась в их квартире. Большой и пустой.

Пожилые сестры съехали отсюда лет пятнадцать назад, после смерти матери. Они продолжили жить вместе, но на соседней станции метро. Дом детства, который несколько раз сдавался под съем, последние годы до моего приезда пустовал. С тех пор как мэр обязал всех арендодателей регистрироваться и выплачивать налоги, тетушки опасались чужих квартирантов.

На птичьих правах и за небольшую плату я поселилась в трехкомнатной квартире с балконом

и видом на Битцевский лесопарк. После общежития оказаться одной в девяноста квадратах было головокружительно. Но эйфория быстро прошла.

Как-то я передвинула диван к стене и обнаружила под ним детскую игрушку. Полгода спустя я буду стоять перед захлопнувшейся дверью без ключей. Соседка, от которой я буду звонить, расскажет, что в похожем положении как-то оказалась моя предшественница. Она вышла выбросить мусор, оставив на минуту годовалого ребенка, когда дверь захлопнул сквозняк. Девушка пятый час плакала на коврике и через замочную скважину общалась с пупсом на момент возвращения моей собеседницы с работы. После этого инцидента молодая семья быстро съехала. Каждый раз потом находя погремушки и книжки (набралась целая коллекция!), я представляла, как мать в истерике спешно пакует сумки и уезжает к родителям, лишь бы не находиться в этом ужасном месте, которое так сильно ее напугало.

К слову, сквозняки здесь были постоянно. Иногда по подъезду тянуло так сильно, что я не могла открыть входную дверь, не навалившись на нее всем телом. Стуки, скрипы, душераздирающие крики по ночам на темной аллее. Эти вопли напоминали другой случай, которым поделилась со мной местная жительница на прогулке.

– Пару лет назад здесь произошла жуткая история, – сели мы с ней на лавочку. – Молодая де-

вушка поздним вечером пошла выгуливать шпица. По пути ей встретился парень, он нес в руке поводок и озирался по сторонам. Он подошел и спросил, не видела ли она здесь маленького бигля, объяснил, что его пес выскользнул из шлейки и убежал. Естественно, девушка развела руками и завертела головой в разные стороны, еще раз оглядывая окрестности. Но тут-то парень накинул ей на шею поводок, туго затянул и потащил в кусты. Пока он ее насиловал, мохнатка побежала к дому. Собачонку узнали соседи и привели хозяевам – родителям девушки. Те сразу поняли, что что-то нехорошее случилось, побежали в парк, нашли ее без сознания, побитую, но живую. А преступника так и не поймали.

Порой мне казалось, что преступник этот – мой сосед Олег. Олег был рослый интеллигентный осетин, полысевший после пятидесяти. Он носил очки, платочки, цветастые рубашки и пальто и очень напоминал актера Стэнли Туччи, который, к слову, играл соседа-убийцу в одном небезызвестном фильме.

Познакомились мы с ним странно. Я вышла из квартиры и стремительно полетела к лифту, опаздывая на работу, а он стоял возле своей двери в противоположном конце коридора. Завидев меня, Олег преградил руками путь.

– Девушка, здравствуйте!
– Доброе утро, – скорее спросила, чем сказала я.
– У меня тут проблема: я вернулся с работы раньше обычного и теперь не могу зайти в квартиру. Я думаю, что там кто-то есть. Кто-то держит дверь. Я вызвал полицию. Пойдите со мной, пожалуйста.

Как-то в начале нулевых мама так же раньше вернулась со мной с прогулки и обнаружила, что замок не поддается ключу. Она приложила ухо, как вдруг дверь распахнулась и оттуда выбежало пятеро парней в масках, один из которых помахал ножом перед ее лицом. Тогда нас ограбила молодая шпана из Кронштадта. Они собрали нашу технику в наши же холщовые сумки, которые нашли на антресолях и в кладовке, выставили в коридор, но унести не успели. Только золотые украшения, распаханные по карманам, остались добычей. Спустя полгода их нашли по следу – один из парней оставил отпечаток ботинка на ярко-желтой папке с моими песенками. Главарем банды оказался несовершеннолетний сын начальника следственного комитета, который лично приехал вернуть маме драгоценности и принести извинения.

– Вы знаете, если там действительно кто-то есть, то мне бы не хотелось быть свидетелем того, как они на вас нападут, и попасть под горячую руку. Что, если они сейчас выбегут?

Пока я говорила это, Олег вновь подошел к двери и прислушался. Он показал мне ключ, вставил его в замок и демонстративно прокрутил несколько раз. После взялся за ручку и вдруг... дверь открылась. На секунду он загрузился, а потом резко ее захлопнул.

– Нет! Я туда один не пойду. Я не хочу проверять. Вдруг они затаились и выжидают. Наряд уже едет. – Олег не на шутку испугался.

– А долго они едут?

– Сказали, десять-пятнадцать минут, ну вот как раз уже на исходе.

Пока мы стояли у лифтов, Олег расспросил меня, чем я занимаюсь, и рассказал, что его мама тоже учительница русского языка и литературы. Кто он – не сказал. Двери кабины открылись, оттуда вышли уставшие полицейские. Олег засуетился, я уехала.

После этого мы с ним пересекались неоднократно, чаще всего по утрам в метро – когда я ехала на работу, а он бежал домой. И каждый раз Олег звал меня гулять вечером по аллеям. Тем самым злополучным аллеям... Он говорил, что ему нужно обсудить со мной какой-то важный деловой момент. Что я же занимаюсь литературой, я же редактор, а ему очень нужен редактор. На прямые вопросы он не отвечал и лишь загадочно вращал глазами.

Однажды ко мне приехала на три недели мама с младшими сестрами. В первый день я оставила их утром спать дома, договорившись после работы встретиться в Парке Горького.

– Кто такой Олег? – спросила мама вечером.

– Сосед Олег?

– Да. Он увидел нас сегодня и очень смутился. Сказал: «Но здесь живет молодая девушка, Катя, она редактор. Мы договаривались пойти гулять. Где она?» Я сказала, что я твоя мама, он сразу стал любезничать. Проводил нас до метро, объяснил, как ехать. Вообще любая мать бы насторожилась, что за ее дочерью ухлестывает какой-то подозрительный тип. Моя бы мама ему все высказала!

– Но ты не высказала?

– Нет, я же не моя мама...

– Ну да... Вообще он очень странный, настораживает меня. Но ничего не делает. Максимум – он дал мне свой номер на какой-то «всякий случай», но мой не спросил. А это уже не так подозрительно.

– Он какой-то пугающий.

– Есть немного. Но вроде как безобидный.

Мы зашли в парк и двинулись вдоль набережной, как вдруг из кустов на нас вышел – ну кто же еще – Олег.

– Опять вы! – улыбнулся он и пожелал хорошей прогулки.

Мы с мамой в ужасе переглянулись.

Впрочем, главным ужасом, конечно, были тетушки, которые не слышали про личные границы и приходили проверить квартиру когда им вздумается. Как-то я принимала ванну в начале одиннадцатого вечера, как вдруг ключ в двери повернулся и в прихожей послышался топот. Я побоялась, что забыла закрыться и приманила Олега.

Выскочив из пены и наскоро завернувшись в полотенце, с зашкаливающим сердцебиением я вывалилась в коридор. От всех этих волнений и перепадов температур я потеряла сознание. В коридоре стояла тетушка. Она приводила меня в чувства, крича о том, что у меня грязно на кухне и вещи в комнате валяются. Она сказала, что просто проходила мимо и решила заглянуть.

Она приходила по утрам, когда я была с парнем, приходила вечером, когда у меня были гости, а после приурочивалась приходиться, пока меня нет дома, тоже без предупреждения, и оставлять всюду желчные записочки о том, что мне надо начать нормально питаться.

Ей нравилось меня унижать, чувствуя, что я в зависимом положении и ничего не могу ей ответить: тогда еще мне не хватало уверенности в себе и средствах, чтобы снять другое, более дорогое жильё. Каждый раз после визитов мне становилось невыносимо находиться в этом пространстве. Я была страшно зла на то, что мне делают скидку на аренду, но я доплачиваю и даже переплачиваю эмоционально. Они садились на уши и рассказывали о своем детстве, родственниках, проблемах со здоровьем. Они приходили самоутвердиться и почувствовать себя важными (они ведь проявляют заботу, пусть не вовремя и не к месту).

Поэтому я ни разу не позвонила им после переезда, ни разу не поздравила с праздниками и не спросила о самочувствии. Они о моем не слишком переживали и даже поспособствовали моим неврозам.

Тамара и Лена каждый раз приходили копаться в свою «старую комнату». Я закрывалась у себя за работой, но они без стука входили стоять над душой. Спрашивали, что я делаю, и давали советы. Они переставляли пыльные книги с места на место, жаловались на то, что москвичей в Москве не осталось, а приезжие все время матерятся, и шаркали тапочками. Постоянно шаркали тапочками. Каждый свой монолог они начинали с того, что мне надо с ними гулять на лыжах, а то цвет лица у меня нездоровый.

Я стала ненавидеть этот дом.

В конце, когда тетки уже перестали приходиться, почувствовав мой гнев и накапывая свой, когда я уже искала другую квартиру, чтобы снимать ее с подружками, случился еще один дурацкий случай.

Мой приятель преподнес сюрприз: он решил повеситься и одновременно утопиться в ванне. Неразделенная любовь, обида и алкоголь подтолкнули его залечь на дно. Он набрал воды по горло, обмотался душем, затянув его покрепче... Простенькая и дешевая манипуляция стала для меня последней каплей. Вытаскивая его из воды, я поняла, что больше ничего не могу. Что мое терпение закончилось и я умываю руки.

Выпроводив его, я спустилась в магазин. Внизу в подъезде жильцы выставляли ненужные книжки, одежду, цветы. Но в тот раз на почтовых ящиках лежали лекарства. Не умея пройти мимо, я стала копаться в коробке и обнаружила там таблетки от тремора и эпилепсии. Их было много: около двенадцати пачек, срок годности исходил лишь год спустя. Я бестолково вертела в руках упаковки, медленно осознавая, почему я так давно не видела ту милую бабушку-сектантку «Золотого века» с третьего этажа, которая всегда улыбалась и рекомендовала почитать о зомбировании.

В последние месяцы, чтобы как-то скрасить жизнь, я стала звать друзей на семейные ужины. Раз в неделю, по четвергам, мы вчетвером собирались приготовить домашнюю еду и поболтать. Все было хорошо до сезонной депрессии, которая выбила нас из колеи. Последним ужином стал тот, на котором все разругались, рыдали и даже угрожали друг другу холодным кухонным оружием. Шалость не удалась.

За несколько дней до отъезда я стояла на балконе и смотрела, как горят склады. Густой черный дым столбами поднимался в свинцово-серое небо, иногда с фабрики доносились приглушенные взрывы и крики пожарных сирен. В «старой комнате» хлопало от ветра окно. На кухне жужжал холодильник.

В стакане плескался джин, который исполнял мое главное желание – забыть об этом всем как можно скорее.

